
DOI: 10.17805/ggz.2017.6.8

**«Макбет» У. Шекспира и проблема вариативности
русских переводов 30–60 гг. XX века¹**

И. И. Лисович

Московский гуманитарный университет

Статья посвящена проблеме вариативности русских переводов «Макбета» У. Шекспира, степень которой можно выявить, используя онлайн-программу (www.shakespearecorpus.ru), которая предлагает различные инструменты обработки и анализа при помощи цифровых алгоритмов. Как показывает опыт работы с платформой Version Variation Visualization (VVV) на немецкоязычном и русском материале, конечную интерпретацию данных осуществляет исследователь. Задача исследования — выявить степень оригинальности перевода и расхождения с текстом «Макбета» Шекспира.

Стилометрический анализ показал, что ограничение корпуса по времени и жанру дало возможность понизить уровень шумов / помех, которые создаются воздействием эпохи на жанр и стиль. Теория габитуса П. Бурдые позволила не только интерпретировать выявленные различия переводов в связи с привычными литературно-стилевыми, историческими и идеологическими контекстами, но и увидеть различия габитусов переводчиков, чьи переводы реактуализируют шекспировского «Макбета» в языке и социокультурном пространстве.

Ключевые слова: «Макбет»; У. Шекспир; Шекспир в русских переводах; переводы; сравнительный анализ; Version Variation Visualization; вариативность; П. Бурдые; габитус

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Разработка и внедрение в открытом доступе онлайн-программы сравнительного тезаурусного анализа русских переводов произведений У. Шекспира», осуществляемого при поддержке РФФИ (№ 17-04-12038В). The article was prepared within the framework of the project “Development and Launching of Open Access Online Digital Tools for Comparative Thesaurus Analysis of Russian Translations of W. Shakespeare’s Works” with support from the Russian Foundation for Basic Research (no. 17-04-12038В).

W. Shakespeare's "Macbeth" and the Problem of Variation in the 1930s–60s Russian Translations

I. I. Lisovich

Moscow University for the Humanities

The article examines the issue of variation in Russian translations of W. Shakespeare's "Macbeth". The degree of this variability can be determined by using an online-program (www.shakespearecorpus.ru) which gives an opportunity to apply various tools for processing and analysis by means of digital algorithms. As experience of working with German and Russian texts using the digital tools of the "Version Variation Visualization" (VVV) platform has confirmed, it is the researcher who makes the final interpretation of data. The aim of the study is to reveal the degree of a translation's originality and its divergence from the base text of Shakespeare's "Macbeth".

The stylometric analysis has shown that the limitation of the corpus by time and genre gives an opportunity to reduce the level of 'noises' that appear because of the influence of the historical epoch on genre and style. Pierre Bourdieu's theory of habitus has allowed not only to interpret the revealed differences in translations on account of well-known literary, stylistic, historical and ideological contexts, but also to find differences in the habituses of translators whose versions reactualize Shakespeare's "Macbeth" in language and sociocultural space.

Keywords: "Macbeth"; W. Shakespeare; Shakespeare in Russian translations; translations; comparative analysis; Version Variation Visualization; variation; P. Bourdieu; habitus

ВВЕДЕНИЕ

При помощи онлайн-платформы Version Variation Visualization (VVV), разработанной Т. Чизманом и К. Флэнегеном, были проанализированы следующие переводы «Макбета» У. Шекспира — С. М. Соловьева (1934), А. Д. Радловой (1935), М. Л. Лозинского (1950), Б. Л. Пастернака (1951) и Ю. Б. Корнеева (1960). Этот период избран нами намеренно по ряду причин. Как показывает стилометрический анализ «воздействие эпохи на жанр и стиль, поэтому ограничение корпуса по времени и жанру позволило понизить уровень помех в виде «шумов»» (Чизман, 2015: 130). На этот же период приходится наибольшая плотность советских переводов XX века, это — расцвет сталинской эпохи, который завершается

критикой культа личности, что позволило нам обозначить границу эпохи переводом Ю. Б. Корнеева, который был издан в 1960 г.

В XIX в. было сделано не менее 10 переводов (см. подробнее о концепциях и тенденциях перевода пьес У. Шекспира на русский язык в это время: Захаров, 2007; Егорова, 2017). В XX в. — шесть переводов: в дореволюционный период перевод «Макбета» был выполнен Д. Н. Цертелевым (1901), судя по каталогам Российской государственной библиотеки, в 1920-х гг. «Макбет» активно переиздается в переводе А. И. Кронеберга (1846), а после корнеевского всплеск переводов начинается в постсоветский период (Ю. И. Лифшиц — 1991, В. Н. Рапопорт — 2000, В. А. Гандельсман — 2010, А. Ю. Чернов — 2015, А. А. Сагратян — 2015), но анализу различий на основании данных платформы VVV и их характер на протяжении трех веков будет посвящена отдельная статья.

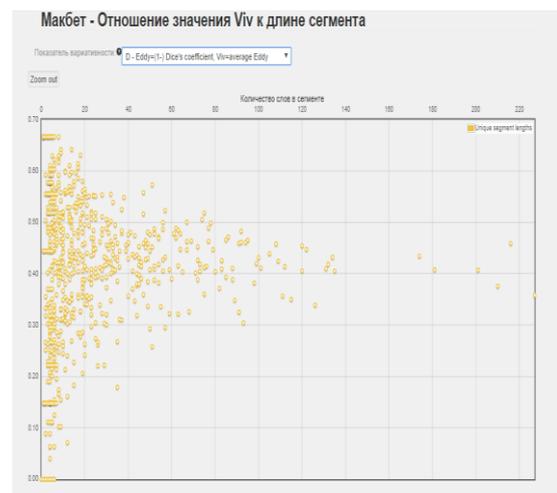
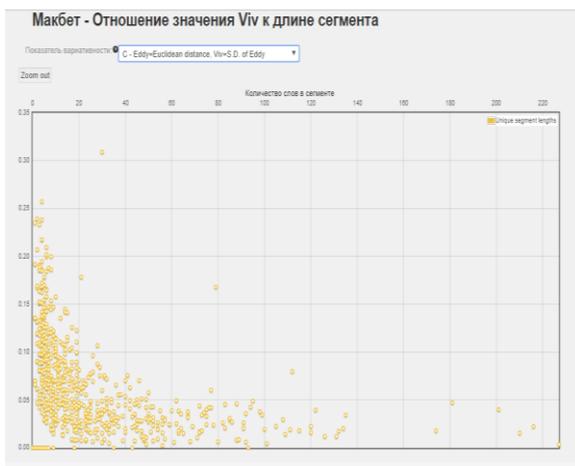
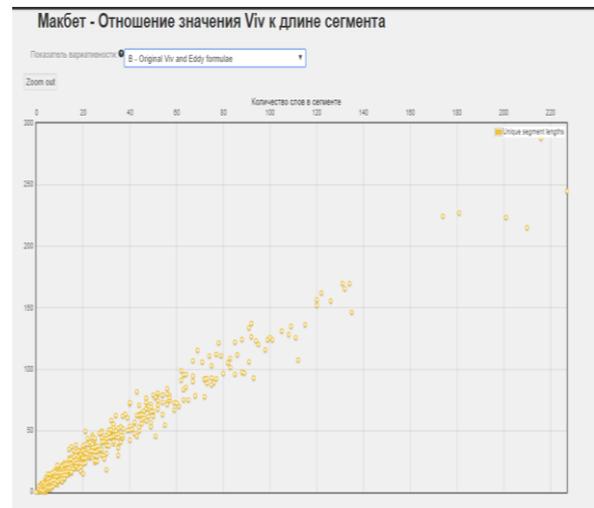
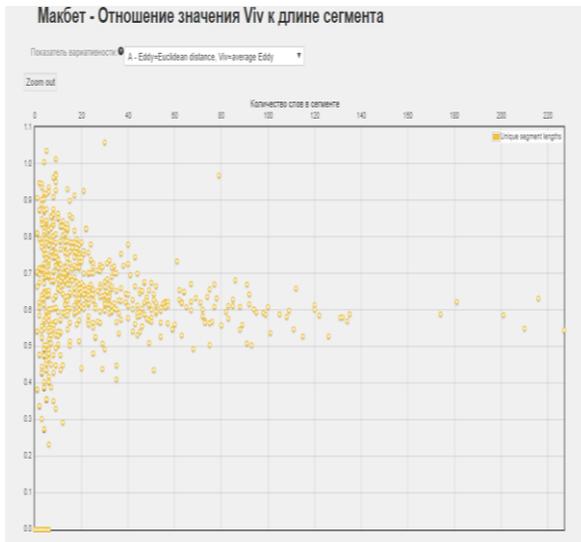
Онлайн-платформа Version Variation Visualization (VVV) предлагает инструменты обработки и анализа при помощи цифровых алгоритмов: «Алгоритм Eddy сравнивает тексты переводов *пословно*, рассматривая слово как последовательность буквенных знаков, отделенную от других знаками пробела, и некоторые из этих последовательностей будут совпадать в разных версиях. Таким образом, Eddy оценивает относительную непохожесть каждого сегмента перевода. А затем алгоритм Viv (“вариант внутри варианта”) отображает результаты сопоставления с текстом оригинала» (Чизман, 2015: 128; курсив источника. — *И. Л.*).

Цель данного проекта — на русскоязычном материале «проанализировать индивидуальный стиль переводчиков, используемые ими средства русского языка для передачи языка Шекспира, выявить степень оригинальности перевода, авторские вставки и дополнения переводчиков, которых нет в исходных текстах» (Гайдин, 2015: 149). Тем не менее, как покажут диаграммы ниже, система в качестве слов считает и знаки препинания, что создает некоторую погрешность в данных и требует доработки программы, что является одной из задач проекта.

«МАКБЕТ» У. ШЕКСПИРА И АНАЛИЗ ДАННЫХ О ВАРИАТИВНОСТИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ 30–60 ГГ. XX ВЕКА

При анализе избранных переводов «Макбета» У. Шекспира было выявлено, что значение Eddy (Euclidean distance) показало низкую степень вариативности в целом. У избранных переводов незначительная вариатив-

ность в переводе длинных сегментов, а основную вариативность дают сегменты, содержащие до 30 слов, как это показывают графики «Отношение значения V_{iv} к длине сегмента» (рис. 1).



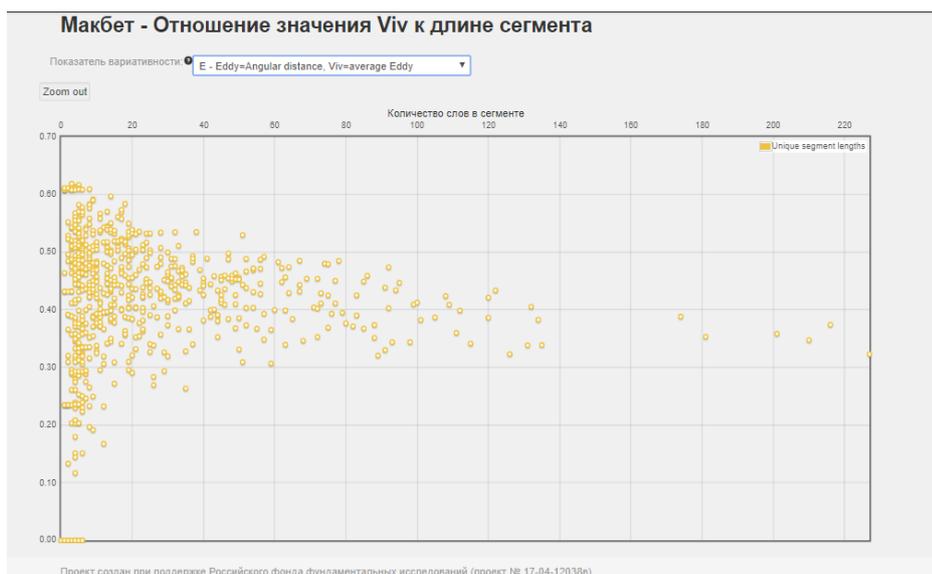


Рис. 1. «Макбет» — отношение значения Viv к длине сегмента

Значение основного массива показало диапазон в пределах единицы: минимальное значение Viv — 0,5; максимальное значение Viv — 0,85 (см. рис. 2). Это свидетельствует, с одной стороны, о низком уровне «энтропии», к качеству которой программа воспринимает жанрово-стилистические и грамматические вариации между эпохами, с другой — низкую степень оригинальности текстов переводчиков.

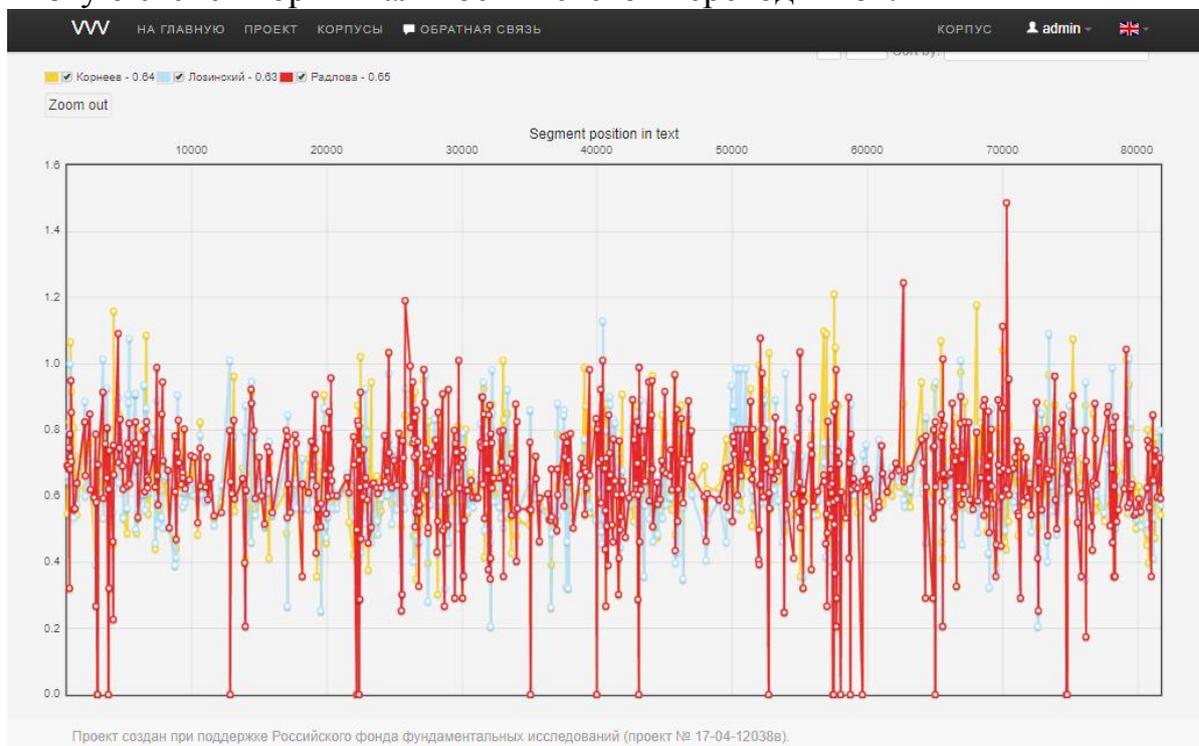
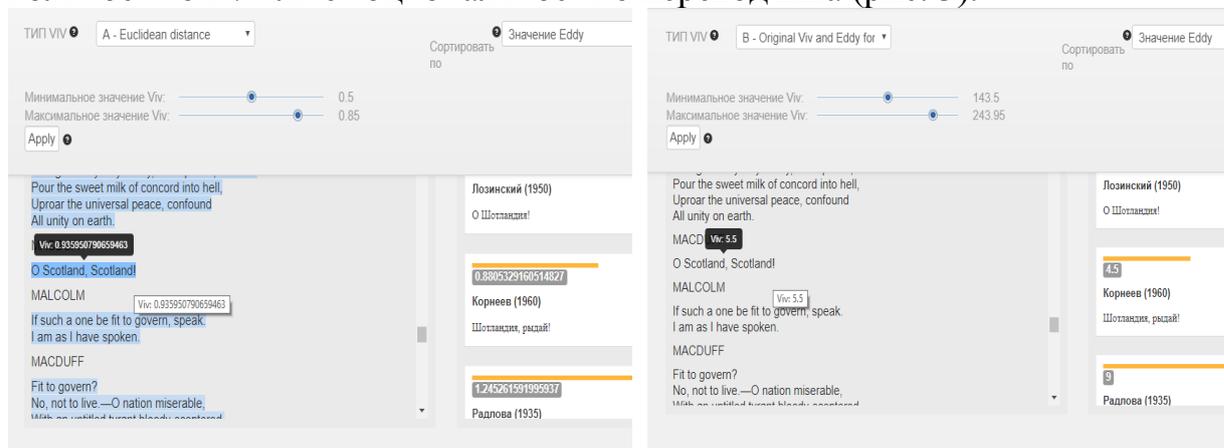


Рис. 2. «Макбет» — режим «Вариативность»

Степень вариативности не всегда находится в прямой зависимости от длины сегмента или от того, что сложно перевести на другой язык «многозначные слова, сохраняющие свою двусмысленность в этом контексте... все они соотносятся с другими местами пьесы, еще усугубляя двусмысленность» (Чизман, 2015: 119) — как это иллюстрирует Т. Чизман на примере перевода слов “virtue”, “delighted”, “fair” и “black” в «Отелло» немецкими и французскими переводчиками, объясняя высокую вариативность умолчаниями или эвфемизмами, связанными с представлениями о расе, гендере, родстве, морали, эстетике, общественной иерархии и политической власти.

Высокую вариативность могут показать переводы коротких и вполне нейтральных сегментов с точки зрения поэтической или идеологической сложности. Например, фраза Макдуфа «O Scotland, Scotland!» (IV, 3; Shakespeare: Электронный ресурс) имеет показатель Viv — 0,93 («О Шотландия!» (М. Л. Лозинский — 0,68; Шекспир, 1950: 586), «Шотландия, рыдай!» (Ю. Б. Корнеев — 0,88; Шекспир, 1960: 78), «О край мой! Край шотландский!» (А. Д. Радлова — 1,24; Шекспир, 1936: 108)) / 5,5 / 0,23 / 0,44 / 0,51. Диапазон лексем + синтаксических знаков составляет 5,5 (от 3 у Лозинского до 5 у Радловой). Этот разброс можно объяснить поэтической вольностью и / или эмоциональностью переводчика (рис. 3).



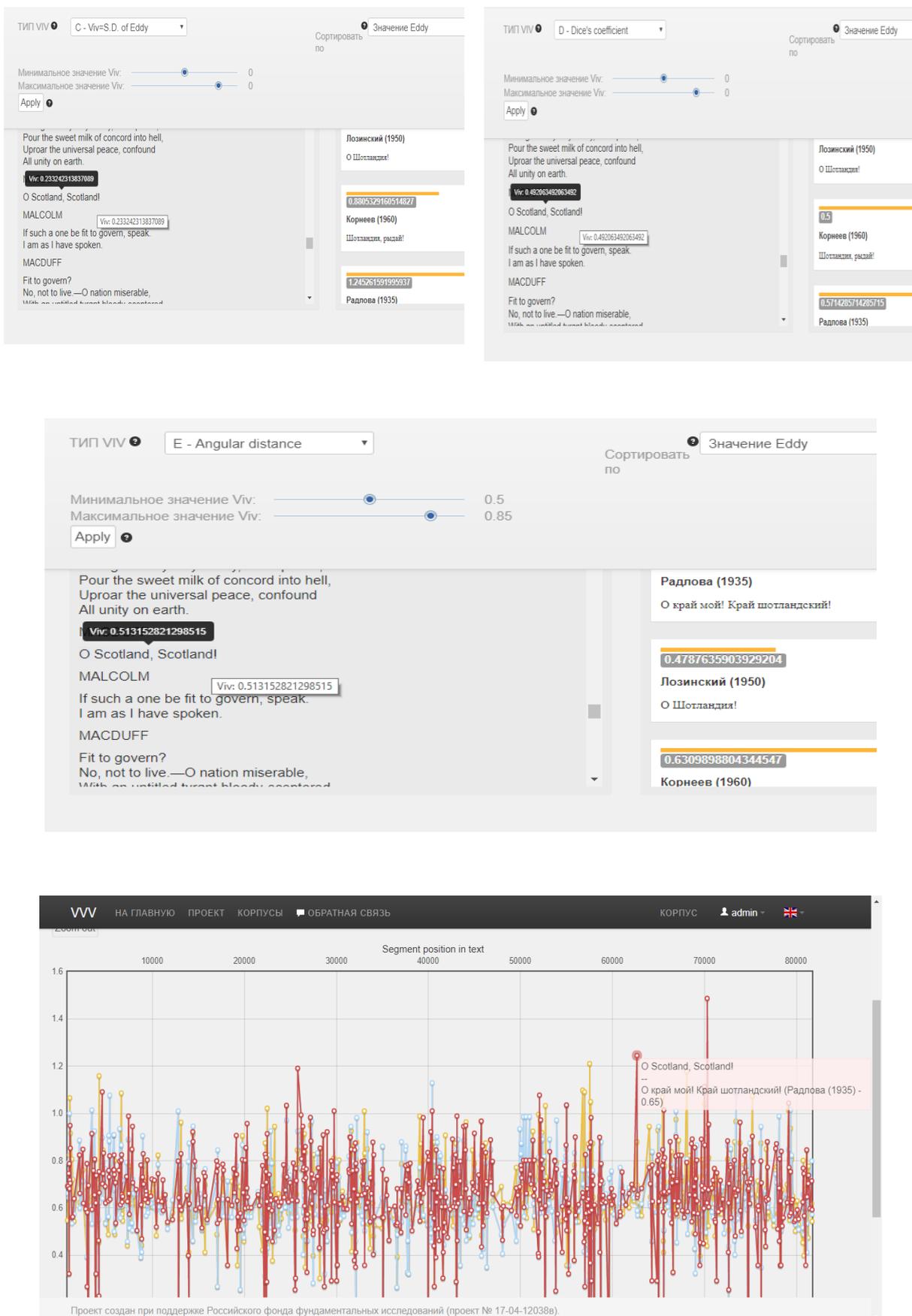


Рис. 3. Режим Eddy & Viv и режим «Вариативность» — «Макбет»: “O Scotland, Scotland!”

Для анализа низкой степени вариативности избранных переводов «Макбета», в нашем случае продуктивно обратиться к теории П. Бурдые о габитусе, поскольку она позволяет анализировать различия в синхронном аспекте, учитывая историю их формирования и практики актуального.

Как полагает П. Бурдые, будучи «продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а, следовательно, — саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени. Такая система диспозиций — прошлое, проникающее в настоящее и стремящееся продолжаться в будущем, актуализируясь в практиках, структурированных в соответствии с его принципами...» (Бурдые, 2001: 106–107).

Система диспозиций позволяет рассматривать интерпретировать сходства / различия габитусов переводчиков, а не только выявлять различия переводов в связи с привычными идеологическими, литературно-стилевыми и культурно-историческими контекстами. Подобным примером может служить анализ семантических деформаций при переводе «Макбета» М. Л. Лозинским, Б. Л. Пастернаком и Ю. Б. Корнеевым метафор с языковыми, алхимическими, повседневными и религиозными контекстами, отличными от воспринимающей русской культуры (см. статьи — Ковалевская, 2012; Дуринова, 2013).

Но в нашем случае мы имеем дело с цифровым / алгоритмическим поворотом в переводоведении, что показывают проекты, описанные Т. Чизманом, предлагающие приложения и программы, визуализирующие различные метаданные: географию и хронологию переводов, их способ публикации, целевую аудиторию переводов, данные об авторах и участниках, комментарии издателя и рецензии, а также стилometriю авторов и переводчиков, инструменты для сравнения различных версий между собой и с исходным текстом, определения степени оригинальности перевода и т. п. (Чизман, 2015). И эти метаданные могут дать сведения для описания габитуса переводчика.

Габитус переводчика определяется несколькими факторами — оригиналом, который уже имеет статус паттерна (расхождение с оригиналом анализируется при помощи Viv — «вариант внутри варианта»); поэтическими предпочтениями переводчика (особенно если переводчик — поэт / ученый или редактор) и актуальным социокультурным контекстом (см. по-

дробнее об отношениях между переводом и оригиналом, о культурном и социальном поворотах в переводоведении статью С. Басснетта — Басснетт, 2016). И если принять расхожую концепцию, что перевод — это всегда интерпретация, то она порождает как минимум, еще один открытый вопрос: чем определяется эта интерпретация? Если к этой проблеме применить концепцию габитуса П. Бурдьё, то перевод нужно рассматривать как социокультурную практику, социальное действие, в которое вовлечены оригинал, актуальное состояние языка, предшествующие переводы, переводчик, критики, цензура, филологи, театральные деятели и читатели как целевая аудитория.

Примером переводческой традиции, как проявления устойчивой социокультурной практики, в нашем случае может служить перевод на русский язык реплики ведьм: “Fair is foul, and foul is fair; / Hover through the fog and filthy air” (I, 1; Shakespeare: Электронный ресурс). Она наполнена сложными коннотациями, звучит в самом начале пьесы и определяет развитие сюжета, сложность поступков, характеров и судеб четы Макбетов. Средний показатель *Viv* этой реплики — 0,83 (Радлова — 0,85; Лозинский — 0,73; Корнеев — 0,91). В. К. Кюхельбеккер, поставивший перед собой цель перевести пьесы У. Шекспира, в том числе и «Макбет», с оригинала, а не с немецких или французских переводов, закрепил традицию русскоязычного перевода этой фразы, переведя ее как: «Зло добро, — добро же зло. / В мрака-мгле нас понесло!» (цит. по: Левин, 1983: 36).

Очевидно, что В. К. Кюхельбеккер использовал этическую категорию, отличную от оригинала. Жесткая оппозиция «добро — зло» сохраняется и в избранных нами переводах вплоть до 60 гг. XX в. и находит свое продолжение в XXI в. В переводах варьируются только грамматические отношения между этими словами, что дает переводчикам возможность слегка сместить акценты в интерпретации: «Добро и зло один обман. / Летим в сырой, гнилой туман» (С. М. Соловьев; Шекспир, 1938: 194); «Зло — в добре, добро — во зле. / Полетим в нечистой мгле» (А. Д. Радлова; Шекспир, 1936: 344); «Зло станет правдой, правда — злом. / Взовьемся в воздухе гнилом» (М. Л. Лозинский; Шекспир, 1950: 563); «Зло есть добро, добро есть зло. / Летим, вскочив на помело!» (Б. Л. Пастернак; Шекспир, 1951: 604); «Грань меж добром и злом, сотрись. / Сквозь пар гнилой помчимся ввысь» (Ю. Б. Корнеев; Шекспир, 1960: 8). И А. Ю. Чернов в переводе 2015 года опять возвращается к этой дихотомии: «Все зло — в добре! Добро — во зле! / Так воспарим в болотной мгле!» (Шекспир, 2017: Электронный ресурс).

Ситуацию осложняет то, что в оригинале используются слова с яркой оценочной интонацией: слово “fair” означает не абстрактное «добро», но признаки, свидетельствующие о нем, — «честное, справедливое, законное, явное, прекрасное». А слово “foul” — не «зло» как таковое, а его характеристики, стремящиеся к предельно материализованному выражению, — «грязное, отвратительное, нечистое, бесчестное, подлое, низкое, предательское, вонючее». Как отмечают Дж. Хоуп и М. Уитмор, компьютерная статистика показала, что для «Макбета» характерно частотное употребление определенного артикля “the”. Они объяснили эти данные тем, что в трагедии материальные объекты и абстрактные понятия одинаково предопределены и зафиксированы (Hope, Witmore, 2014), эта интерпретация подтверждается и репликой “Fair is foul, and foul is fair”.

Сдвиг интерпретации к абстрагированию в русскоязычных переводах происходит и за счет того, что слово “fair”, которое переведено как «добро», в некоторых переводах меняется местами со словом “foul”, переведенным как «зло» и фраза начинается со «зла». Существенную роль играет и то, что в английской модели аналитического синтаксиса эта реплика подчеркивает подмену свойств, в соответствии с ней изменяются оценки происходящего. Она указывает на интерпретацию событий и предсказаний героями пьесы, на игру этическими определениями и утрату ориентиров для действий, поскольку объект становится предикатом, а предикат — объектом. Эта сложность и определила достаточно широкий диапазон грамматико-синтаксической вариативности в русских переводах.

Кроме того, вышеуказанные переводы утратили и аллитерацию, связанную со звуком “f”, которая подчеркивает трагизм неразличимости, перепутанности, вязкой текучести и слияния этих категорий, мутности и одержимости сознания, невозможности выпутаться из происходящего и властных амбиций, неспособности сделать правильный честный выбор. Продолжение аллитерации в стихе “Hover through the fog and filthy air” подчеркивает порчу происходящего и на природном уровне, отсылая к теории миазмов Аристотеля, согласно которой они являются источником болезней, все погружается в лишаящий зрение ясности непроницаемый туман и «нечистый вонючий воздух», в котором парят ведьмы.

Колдуньи оказываются частью природных стихий и могут управлять ими. Стихии природы трансформируются: земля становится пустошью, воздух превращается в туман, влага — в кровь, огонь — в молнию. Ведьмы читают грозные знаки природы, которые предсказывают нарушение законного, справедливого порядка; знамения предваряют и сопровождают события трагического возвышения и падения Макбета. Следовательно,

вышеописанный смысловой, синтаксический и фонетический сдвиг в оригинальной фразе можно рассматривать и как предостережение-пророчество, которое далее реализуется в сюжете трагедии: честный достойный Макбет стал предателем, а подлая расчетливая леди Макбет осознала глубину падения и очистилась через упомрачение, поскольку внутренним зрением увидела нечистоту содеянного.

Несмотря на вышеописанную смысловую сложность, неоднозначность и метафоричность реплики “Fair is foul, and foul is fair; / Hover through the fog and filthy air” математический инструмент VVV показал низкий коэффициент вариативности переводов этой фразы — Viv: 0,83 / 25,3 / 0,75 / 0,59 / 0,55.

ТИП VVV: A - Euclidean distance. Сортировать: Значение Eddy по. Минимальное значение Viv: 0,5. Максимальное значение Viv: 0,85. Apply.

Left column (English text):
 I come, Graymalkin.
 SECOND WITCH
 Paddock calls.
 THIRD WITCH
 Anon.
 ALL. Viv: 0,83568726388074
 Fair is foul, and foul is fair;
 Hover through the fog and filthy air.
 They exit.

Right column (Russian translations):
 Лозинский (1950)
 Зло стает правдой, правда — злом.
 Возвьмися в воздухе гивалом.
 0,8353421527153773
 Радлова (1935)
 Зло — в добре, добро — во зле.
 Полетели в нечистой мизе.

ТИП VVV: B - Original Viv and Eddy for. Сортировать: Версия по. Минимальное значение Viv: 143,5. Максимальное значение Viv: 243,95. Apply.

Left column (English text):
 I come, Graymalkin.
 SECOND WITCH
 Paddock calls.
 THIRD WITCH
 Anon.
 ALL. Viv: 25,6696666666667
 Fair is foul, and foul is fair;
 Hover through the fog and filthy air.
 They exit.
 Act 1
 Scene 2
 Alarum within. Enter King Duncan, Malcolm, Donalbain, Lennox, with Attendants, meeting a bleeding Captain.
 DUNCAN

Right column (Russian translations):
 Лозинский (1950)
 Зло стает правдой, правда — злом.
 Возвьмися в воздухе гивалом.
 22,5
 Радлова (1935)
 Зло — в добре, добро — во зле.
 Полетели в нечистой мизе.
 31,5
 Корнеев (1960)
 Грива миза добром и злом, согрива.
 Сказов пар гивалой полнечиста завла.

ТИП VVV: C - Viv=S.D. of Eddy. Сортировать: Значение Eddy по. Минимальное значение Viv: 0. Максимальное значение Viv: 0. Apply.

Left column (English text):
 I come, Graymalkin.
 SECOND WITCH
 Paddock calls.
 THIRD WITCH
 Anon.
 ALL. Viv: 0,4755776834655332
 Fair is foul, and foul is fair;
 Hover through the fog and filthy air.
 They exit.

Right column (Russian translations):
 Лозинский (1950)
 Зло стает правдой, правда — злом.
 Возвьмися в воздухе гивалом.
 0,8353421527153773
 Радлова (1935)
 Зло — в добре, добро — во зле.
 Полетели в нечистой мизе.

ТИП VVV: D - Dice's coefficient. Сортировать: Значение Eddy по. Минимальное значение Viv: 0. Максимальное значение Viv: 0. Apply.

Left column (English text):
 I come, Graymalkin.
 SECOND WITCH
 Paddock calls.
 THIRD WITCH
 Anon.
 ALL. Viv: 0,5876681871345
 Fair is foul, and foul is fair;
 Hover through the fog and filthy air.
 They exit.

Right column (Russian translations):
 Лозинский (1950)
 Зло стает правдой, правда — злом.
 Возвьмися в воздухе гивалом.
 0,595491228101154
 Радлова (1935)
 Зло — в добре, добро — во зле.
 Полетели в нечистой мизе.

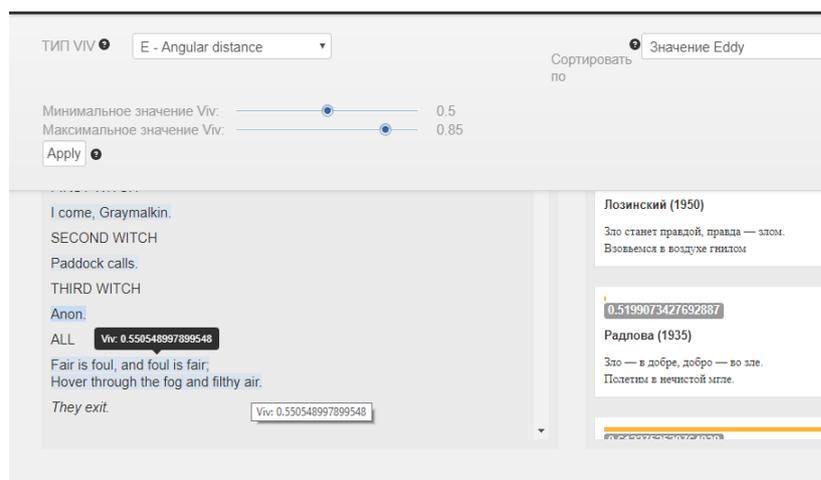


Рис. 4. Режим Eddy & Viv — «Макбет»: “Fair is foul, and foul is fair...”

Диапазон вариативности слов составляет 25,6 лексем (+ синтаксических знаков) в переводах А. Д. Радловой, М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака и Ю. Б. Корнеева, поскольку количество знаков в этой фразе примерно одинаковое: у В. К. Кюхельбекера она составляет 20 знаков (без пробелов), у остальных колеблется от 22 до 28, тогда как диапазон только слов — от 5 до 6.

	Переводчик	Год	Кол-во знаков	Кол-во слов
“Fair is foul, and foul is fair”			24	7
«Зло добро, — добро же зло»	В. К. Кюхельбекер	1828, 1835– 1836	20	5
«Добро и зло один обман»	С. М. Соловьев	1934	14	5
«Зло — в добре, добро — во зле»	А. Д. Радлова	1935	22	6
«Зло станет правдой, правда — злом»	М. Л. Лозинский	1950	28	5
«Зло есть добро, добро есть зло»	Б. Л. Пастернак	1951	25	6
«Грань меж добром и злом, сотрись»	Ю. Б. Корнеев	1960	27	6
«Все зло — в добре! Добро — во зле»	А. Ю. Чернов	2015	25	7

Поэты-переводчики С. М. Соловьев (1885–1942), М. Л. Лозинский (1886–1955), Б. Л. Пастернак (1890–1960) и А. Д. Радлова (1891–1949) принадлежат к одному поколению, а формирование их габитуса в той или иной мере окрашено религиозными и поэтическими экспериментами / исканиями поэзии Серебряного века, что проявляет себя в переводах. Ю. Б. Корнеев стоит несколько поодаль², но его перевод определен сфор-

² В своих мемуарах «Снова Казанова (Мее-муу-А? Ррры!)» ученик П. Г. Антокольского и Т. Г. Гнедич поэт и переводчик Василий Павлович Бетаки (1930–2013), эмигрировавший в 1973 году, описывает Ю. Б. Корнеева, которого он знал лично, следующим образом: «Юрий Борисович Корнеев. Блестящий знаток французского языка, изобретательнейший переводчик таких головоломных стихов, как вставные стихотворения в “Гаргантюа”, и вместе с тем халтурщик, перекатавший “Конец Главы” Голсуорси и какие-то

мированной традицией советских переводов, прошедших критику и цензу-

романы Сименона. Он скучно сделал “Песнь о Роланде” и “Нибелунгов”, но мастеровито, даже с холодным блеском, перевел целый театральный репертуар, состоящий из пьес Гольдони, Кальдерона, Лопе де Вега, Шекспира... Хотя уж он никак не был, да и не мог быть “человеком театра”. <...> Корнеев служил после окончания института (где учился у Е. Г. Эткинда), преподавателем языка в спецшколе КГБ, о чем говорил вполне открыто. Много лет являлся секретарем партбюро Союза писателей, умел говорить и на “их”, и на “нашем” языке. <...> Но, среди очень мне близких людей, есть люди, которые относились к Корнееву самым лучшим образом. Так что человек он был незаурядный, и представлял он разным людям по-разному. “То ли гебешник, то ли белый офицер”, — как-то сказала о нем Гнедич. <...> “сначала партийный босс, а потом уж переводчик”» (Бетаки, 2011: 197–198, 251).

Кроме того, он упоминает перевод «Макбета» Ю. Б. Корнеевым в контексте разбора на партсобрании его намерения подать заявление на эмиграцию в ОВИР: «“Так что — сказал я, — либо Юрию Борисовичу, переводчику ‘Макбета’ как-никак, три ведьмы внушили, что он такую характеристику мне уже дал, либо он еще только собирается ее мне дать, а если уж собирается, то хорошо бы побыстрее, я ведь не очень терпелив”. В общем, получилась вполне шекспировская сцена (из “шутовских”, конечно).

Единственный, кто это шутовство мог оценить, был только Миша Глинка:
хихикнул он. Корнеев на него
воззрился удивленно,
“Ну так что ж... — промолвил он, —
Теперь я напишу характеристику”.
А Глеб Горышин,
который был соседом мне по дому,
и, кстати, тоже был секретарем,
вдруг обернулся и промолвил:
“Вася, ну ты же пропадешь,
ведь мы сейчас тебя из членов
исключим и только!”
“Ну, значит я, не то, что вы, — не член!”
Тут хохотнуло полсекретарьята,
Рытхеу же за голову схватился,
он, видимо, свидетелем трагедии
себя почувствовал. Ну а Корнеев
сказал, что рукописи, впрочем,
можно и вывозить, но если
их прочтут, и все печатью круглою
снабдят, но это ведь нелегкий труд,
поймите, и за него положено платить,
а кто ему заплатит, если он, Корнеев,
перечтет два чемодана? Никто.
На том и кончилось собрание,
и все одиннадцать секретарей —
гуськом, стесняясь, вон из кабинета,
как футболисты в раздевалку,
только я им не мяч...»

(там же: 252)

ру в соответствии с советской идеологией, стремится более точно следовать за оригиналом и обладает той же степенью вариативности: значение Eddy составляет 0,64.

Согласно определению П. Бурдые, «*габитусы* — системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как... принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее...» (Бурдые, 2001: 103; курсив источника. — *И. Л.*). Избранный текст У. Шекспира — о природе власти, о преданности и любви, и в переводах мы также видим в этих переводах и тень репрессий, что определяет историческую составляющую габитуса и реактуализацию шекспировского исторического контекста пьесы «Макбета» в языке и новом социокультурном пространстве.

Перевод «Макбета» в эту эпоху — особый вызов. И здесь дело не только в возможных параллелях (Макбет — Сталин, Дункан — Ленин, леди Макбет — Светлана Аллилуева), зыбкости и неустойчивости полученной власти, но и в самом магическом и религиозном контексте пьесы, который притягивал, например, склонную к оккультизму А. Д. Радлову, но был неприемлем с точки зрения воспитания нового советского человека.

Социально-исторический и культурный контекст габитуса определялся задачами, стоявшими перед советскими художниками — создание новой советской культуры и нового образа человека трудящегося, созидющего и творческого. Этим же задачам соответствовали и переводческие усилия, нужно было приобщить советского человека к лучшим образцам мировой культуры, реализовать просветительский идеал, что отражала критика К. И. Чуковского перевода А. Д. Радловой, которая, по его мнению, лишила Шекспира поэтичности и учтивости (Чуковский, 1968: 207), а также высказывания А. В. Луначарского: «Нашему пролетариату до революции не хватало ни времени, ни умения разобраться в своих собственных страстях, во внутренней сущности человеческой жизни. Теперь только он начинает строить свою культуру и достаточно полно овладевать культурой прошлой. Нужно, чтобы пролетарий жил такой же богатой внутренней жизнью, как и внешней, и в этом смысле ему полезно знать такие сокровища, как великая галерея шекспировских образов» (Луначарский, 1964: 162).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, переводчикам советского периода нужно было дать «нового Шекспира», и единственным прибежищем был сам Шекспир, пришедший из низов, не учившийся в университетах, а точность перевода его текста — была оправданием, в том числе и религиозно-магической составляющей. По сути, нужно было создать паттерн советского Шекспира. Низкую вариативность переводов избранного периода можно объяснить тем, что «габитус как приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса, и только им. Структура, продуктом которой является габитус, управляет практикой, но не механистически-детерминистским путем, а через принуждения и ограничения, изначально определенные его находчивостью» (Бурдые, 2001: 107).

Перевод в данном случае рассматривается как социокультурная практика, которая показывает ориентированность перевода, в том числе и неосознанную, в изменяющихся социокультурных, исторических, идеологических, религиозных условиях. В этом случае концепция «перевод как интерпретация» приобретает несколько иной оттенок, поскольку в советский период перевод изначально нацелен на метафоризацию и эстетизацию сюжета, связанного с ведьмами, и саму историю незаконного захвата власти и наказания и т. д.

Таким образом, степень вариативности переводов «Макбета» У. Шекспира можно выявить при помощи онлайн-платформы Version Variation Visualization (VVV), которая дает математический инструмент для сравнения и ранжирования переводов. Тем не менее, как показывает опыт использования этой платформы как на немецкоязычном материале, описанный Т. Чизманом (Чизман, 2015), так и данный анализ русскоязычных переводов «Макбета», конечную интерпретацию данных осуществляет исследователь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баснетт, С. (2016) Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 4. С. 31–44. DOI: [10.21638/11701/spbu09.2016.403](https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.403)

Бетаки, В. (2011) Снова Казанова (Мее-муу-А? Ррры!). München : ImWerden-Verlag. 383, [2] с.

Бурдые, П. (2001) Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов и др. ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии. 562 с.

Гайдин, Б. Н. (2015) Разработка программы сравнительного тезаурусного анализа русских переводов произведений У. Шекспира (ответ на доклад Т. Чизмана «Текстовые массивы перевода: версия, вариация, визуализация») // Шекспир в междисциплинарных гуманитарных исследованиях: коллективная монография по материалам Международного научного семинара / ред.-сост. В. С. Макаров, Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 238 с. С. 147–155.

Дуринова, Н. Н. (2013) Перевод сложных метафор в трагедии В. Шекспира «Макбет» // Вестник Челябинского государственного университета. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 143–145.

Егорова, Л. В. (2017) Великие трагедии в русских переводах // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. № 1 (4). С. 51–58.

Захаров, Н. В. (2007) Вхождение Шекспира в русский культурный тезаурус // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 131–140.

Ковалевская, Т. В. (2012) Понятие *ambition* в трагедиях Уильяма Шекспира («Гамлет», «Макбет», «Король Лир») // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 18 (98). С. 135–146.

Левин, Ю. Д. (1983) «Макбет» Шекспира в переводе В. К. Кюхельбекера // Памятники культуры = Monuments of culture : Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник / [АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры ; Редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) и др.]. Л. : Ленингр. отд-ние. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние. 511 с. С. 30–58.

Луначарский, А. В. (1964) Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература. Т. 4: История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах : На западе. 546 с.

Чизман, Т. (2015) Массивы переводов и их цифровое истолкование // Шекспир в междисциплинарных гуманитарных исследованиях: коллективная монография по материалам Международного научного семинара / ред.-сост. В. С. Макаров, Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 238 с. С. 114–146.

Чуковский, К. И. (1968) Высокое искусство. М. : Советский писатель. 384 с.

Шекспир, В. (1936) Трагедия о Макбете / пер. А. Д. Радловой // Шекспир В. Полн. собр. соч. : в 8 т. / под ред. С. С. Динамова, А. А. Смирнова. М. ; Л. : Academia. Т. 5. 638 с. С. 341–450.

Шекспир, В. (1938) Макбет / пер. С. В. Соловьев // Шекспир В. Избр. соч. : в 4 т. / ред., вступ. ст. и объяснения А. А. Смирнова. М. ; Л. : Детиздат ЦК ВЛКСМ. Т. 1. XXXIX, 520 с. С. 191–313.

Шекспир, В. (1950) Макбет / пер. М. Л. Лозинского // Шекспир В. Избранные произведения / под ред. М. П. Алексеева, А. А. Смирнова. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит. XVII, 648 с. С. 562–594.

Шекспир, В. (1951) Макбет / пер. Б. Л. Пастернака // Шекспир В. Трагедии / ред., вступ. ст. и примеч. М. М. Морозова. М. ; Л. : Гос. изд-во детской литературы. 720 с. С. 601–695.

Шекспир, У. (1960) Макбет / пер. Ю. Б. Корнеева // Шекспир У. Полн. собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. А. Смирнова, А. А. Аникста. М. : Искусство. Т. 7. 823 с. С. 3–100.

Шекспир, У. (2017) Макбет : трагедия в трех актах / пер. А. Ю. Чернова [Электронный ресурс] // несторiana/nestoriana. 17 ноября. URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2017/11/17/makbet/> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 11.12.2017).

Hope, J., Witmore, M. (2014) The Language of *Macbeth* // *Macbeth: The State of Play* / ed. by A. Thompson. L. : Bloomsbury. xii, 293 p. P. 183–208.

Shakespeare, W. The tragedy of *Macbeth* / ed. by V. A. Mowat, P. Werstine [Электронный ресурс] // Folger Digital Texts. URL: <http://folger-digitaltexts.org/?chapter=5&play=Mac> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 11.12.2017).

Дата поступления: 13.12.2017 г.

Лисович Инна Ивановна — доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: mag-inna@yandex.ru

Lisovich Inna Ivanovna, Doctor of Culturology, Candidate of Philology, Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: mag-inna@yandex.ru

Для цитирования:

Лисович И. И. «Макбет» У. Шекспира и проблема вариативности русских переводов 30–60 гг. XX века [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 6. С. 135–152. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/647> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: 10.17805/ggz.2017.6.8